Забудь меня такой

Автор:
Евгения Кайдалова

Забудь меня такой

Евгения Валерьевна Кайдалова

Майя давно не ждет от жизни радости, а уж тем более любви и романтики. Скучная, нелюбимая работа, постоянная тревога за сына – все это не дает ей расслабиться, почувствовать себя молодой.

Эти проблемы знакомы миллионам женщин.

Но Майе повезло. Неожиданно судьба дала ей шанс взглянуть на мир иначе, вернуть молодость и – главное – встретить человека, который помог ей поверить, что она может любить и быть любимой.

Евгения Кайдалова

Забудь меня такой

… где сокровище ваше,

там будет и сердце ваше.

Евангелие от Матфея, 6:21

I

На груди у старухи был старинный кулон – четыре оправленных в золото граната, – и это украшение мешало Майе спокойно на нее смотреть. Кулон располагался чуть ниже подключичной ямки, на той выпуклой части грудной клетки, где кожа редко бывает морщинистой и обвисшей даже у стариков. Словно один-единственный участок молодости на старом теле… Впрочем, возраст сказывался и здесь: вместо упругой гладкости – сухая натянутость, вместо здоровой свежести – бледная обесцвеченность. Но гранаты… Четыре камня удивительного оранжевого цвета, сложенные в виде цветка, были огранены и оправлены так, что ярко горели на свету, и располагались на теле там, куда свет падал практически всегда. И Майя не могла оторвать глаз от их противоречащего старости и близкой смерти сияния.

Затем она все-таки поднимала взгляд – над ней возвышалась старуха. Красивая женщина всегда будет возвышаться над той, у которой внешность непримечательна, и рост не имеет к этому никакого отношения. В свои девяносто лет Глафира Дмитриевна была красавицей, и Майя страшилась даже представить себе, как хороша была старуха в девятнадцать, когда ее пытался похитить и обесчестить вор-кошевочник. На крошечных и очень легких санях-кошевках с медвежьим пологом эти сибирские разбойники имели обыкновение неожиданно подлетать к намеченной жертве, кидать ее в сани, мгновенно освобождать от увесистых портмоне и драгоценностей и выбрасывать обратно на дорогу. А разбойная кошевка мгновенно исчезала за метелью и сугробами, словно была не чем иным, как порождением морозной ночи. В одну из таких ночей Глафиру Дмитриевну и умыкнули прямо со ступеней красноярского Дома культуры, где она весь вечер перед тем танцевала с рослым, статным парнем, по его словам, комсоргом на своем заводе. Незадолго до конца вечера этот завидный партнер неожиданно исчез, отойдя за лимонадом к буфету, и, так его и не дождавшись, юная Глаша осознала, что сейчас побредет домой в постыдном одиночестве позади подружек, мило щебечущих с кавалерами. Дабы избежать позора, она первая, раньше всей своей компании, выскочила на крыльцо, и едва успела сбежать по ступеням, запахивая шубу, как ее подхватили и швырнули в сани, затолкав под медвежью шкуру. Лошадь рванула с места… но Глаша была не из робкого десятка и принялась отчаянно бороться с тем, кто не давал ей возможности и головы высунуть из-под полога. В пылу борьбы она наконец-то увидела лицо своего похитителя и обомлела – тот самый «комсорг на заводе». Тогда, по словам Глафиры Дмитриевны, Глаша стала молча смотреть на бандита и смотрела до тех пор, пока тот не отвел взгляд и не крикнул кучеру остановиться. Едва лошадь встала, как Глаша стремительно выскочила из кошевки, ни слова не говоря и не повернув даже головы в сторону

дерзкого вора. Но он-таки успел схватить ее за руку и сдернуть варежку и золотое кольцо с гранатом, которое шло в комплекте с блистающим на груди кулоном. Потянулся было и к серьгам, но Глаша оттолкнула его руку, сама раскрепила замок и швырнула золото в снег. Обернувшись через некоторое время, девушка увидела, как «первый парень» сегодняшнего вечера ползает на коленях, откапывая серьги.

– Так у меня один кулон и остался! – горько, но гордо заключила Глафира Дмитриевна.

И, глядя в полные восхищения Майины глаза, между прочим добавила:

– Уж я-то мужчинам нравилась будь здоров!

Старуха отлично знала, как уколоть в больное место (недаром в прошлом она была врачом!), и пользовалась этим часто и умело. Сопротивляться Майя не могла: во-первых, у нее действительно не было личной жизни (не считая ребенка), а во-вторых, старуха завещала ей квартиру. Не просто так, разумеется, а за пожизненный уход за собой.

Сжавшись от укола, Майя отводила глаза и бормотала что-то насчет того, что пойдет поставит чайник.

– Поставь, – соглашалась старуха и, когда Майя поворачивалась к ней спиной, выпускала новую стрелу:

– Волосенки у тебя, конечно, не подарок. Сзади посмотреть – так вообще обдриськи какие-то. Вот у меня когда-то локоны были…

– Мне химию неудачно сделали, – оправдываясь, бормотала Майя, – пережгли в парикмахерской.

Старуха отмахивалась, точно не принимала такие объяснения всерьез.

– В наше время никаких химий и в помине не было, а кудри накручивали лучше, чем сейчас. Я вот простой карандаш брала: прядь намотаю покрепче, вытягиваю – и они уже вьются. А ты… тратишь деньги, тратишь, а вида все равно никакого.

Тут по телевизору шампунь один рекламируют – восстанавливающий. Я запишу название и тебе скажу. Может, получшеешь…

Как правило, Майя выходила от старухи с трясущимися от возмущения руками, а в голове у нее попеременно сменялись истории о том, какова была участь брюзгливых стариков в предшествующие века. Если верить Джеку Лондону, индейцы оставляли своих немощных дедов и бабок одних в лесу возле догорающего костра, чтобы тех прикончили волки или мороз. У вестготов существовала «скала предков», с которой последние в буквальном смысле слова делали шаг в объятия смерти. В Японии в голодные годы с лишними ртами преклонного возраста тоже не церемонились. Недаром гора Обясутэяма в переводе означает «гора, где оставляют бабушек». Словом, существовали надежные механизмы, охраняющие интересы молодых членов общества! И не обязательно жестокие: уйти в монастырь – чем не вариант? Тем более что на Руси аж до XVII века пожилые мужья и жены могли при этом не разлучаться, а доживать свой век в пределах одних монастырских стен, каждый в своей келейке. Петр I со свойственной ему нетерпимостью запретил эти идеальные дома престарелых, и отныне старикам-родителям приходилось до могилы висеть на шее у своих детей, и без того надрывающихся от оброка и барщины. Теснота, маета, перебранки, семеро по лавкам… Однако царям несвойственно вникать в проблемы и потребности народа: их-то не гнетет ни финансовый, ни квартирный вопрос.

А вот Майю этот вопрос угнетал по полной программе, и потому она готова была терпеть любой гнет от Глафиры Дмитриевны – единственной собственницы приватизированной двухкомнатной квартиры на Речном вокзале. Мысли о бренности всего земного поддерживали Майю и заставляли смиряться с издевательской судьбой, которая ставит молодых в зависимость от стариков, а не наоборот, как это всегда было принято в истории. Но полного смирения так и не наступало: подумать только, старухе уже девяносто, а смерти – ни в одном глазу! Более того, в свои неполные сто лет Глафира Дмитриевна была покрепче многих Майиных знакомых. И это при том, что курила старуха по пачке в день, обожала дешевую жирную колбасу и супчик из бумажного стаканчика, а фрукты и овощи презрительно именовала «травой». Если же она и соглашалась откушать половинку помидора или огурца, то заливала их таким озером майонеза, что Майе делалось дурно от одного взгляда на это количество калорий. А негативных последствий – ноль! Старуха с ее суховатой фигурой не прибавляла ни грамма в весе, а количество холестерина в ее крови было таким низким, точно Глафира Дмитриевна всю жизнь занималась сыроедением.

– Ты со мной еще не один годок помучаешься! – удовлетворенно заявляла Глафира Дмитриевна, читая свой анализ крови, только что доставленный Майей из поликлиники. – Скоро не отделаешься, не надейся!

Майе только и оставалось, что мрачно восторгаться сибирскими генами, которые не перешибешь никаким неправильным образом жизни.

Говорят, что долголетию способствует позитивный настрой, но большего мизантропа и пессимиста, чем Глафира Дмитриевна, было еще поискать. Ни один из людей, ни одно из событий, о которых двум женщинам случалось заговорить, не вызвали еще у старухи положительного отклика. Свадьба Майиной двоюродной сестры? Вот погоди, намучается, дурочка! Синоптики обещали потепление? Значит, жди холодов – народная примета! Майин сын окончил первый класс? Ну что, теперь ты убедилась, что «маленькие детки – маленькие бедки»?

В ответ у Майи уже давным-давно язык чесался спросить: где же собственные детки столь многоопытной в темной стороне действительности Глафиры Дмитриевны? Ведь у старухи, по ее собственным словам, произнесенным у нотариуса, не имелось наследников ни первой, ни второй очереди. Ни супруга, ни детей, ни внуков, ни братьев, ни сестер. Ну, братья и сестры случаются не у каждого, а вот как такая красавица сибирячка ухитрилась остаться без мужа? Военное поколение, конечно, но все-таки? Тем более что по отдельным обрывочным репликам Майя сделала вывод, что какой-то мужчина в жизни Глафиры Дмитриевны присутствовал. И присутствовал довольно основательно.

– Ленька-то мой… – однажды напрямую обмолвилась старуха и осеклась, быстро заворчав о чем-то другом.

Вопрос с детьми оставался еще более неясным. Сама будучи матерью, Майя каким-то десятым чутьем ощущала, что материнство не обошло Глафиру Дмитриевну стороной. Но… ни единого намека, ни единой фотографии, случайно выпавшей из старого альбома. Ни единого вздоха, ни единого горького, устремленного в никуда взгляда. Словно неприступный каменный вал был возведен старухой между прошлым и настоящим, и если мыслям о муже еще позволено было порой просочиться среди камней, то воспоминаниям о детях категорически запрещалось тревожить мать.

– Рискуешь ты, конечно, – предупреждала Майю ее более осведомленная в квартирных делах подруга, – завещание – это так ненадежно! Сейчас она одинокая, а после смерти объявится сицилийский клан. И попробуй отсуди у них что потом!

– А что же делать? – терялась Майя.

– Оформляйте договор купли-продажи. С пожизненным проживанием.

Но такой вариант категорически не устраивал Глафиру Дмитриевну:

– Я тебе квартиру продам, а ты меня сразу и пристукнешь. Старуха помрет – кто разбираться будет?

– Почему вы обо мне так плохо думаете?! – чуть не со слезами воскликнула тогда Майя, еще не привыкшая к беспардонным выпадам старухи.

– Потому что я жизнь прожила, – объяснила Глафира Дмитриевна. – К нам, старикам, даже «скорая» не ездит; от нас если что кому и надо, так это нашей смерти.

– Неправда!

Старуха усмехнулась:

– А ты ко мне, милая, за чем ходишь? Не за этим?

«А что мне еще остается делать?! – могла бы в отчаянье крикнуть Майя, если бы не боялась проявить слабость на глазах своей мучительницы. – Что мне еще остается делать, если даже кошка может найти в этом городе нору своему детенышу, а я не могу!»

– О квартире надо думать до того, как рожаешь, – удовлетворенная выражением Майиного лица, добавила старуха, – а после соглашайся на то, что дают. Да еще спасибо скажи.

Каким наслаждением было бы порвать завещание, швырнуть ей в морщины и хлопнуть дверью! Но с дергающимся от возмущения лицом, почти не владея губами, Майя сумела проговорить:

– Я вам сегодня больше не нужна?

– Пол на кухне помой, – живо откликнулась старуха. – Да не шваброй, а руками! А то жалеют себя…

II

Когда вспоминают о преступлениях, совершенных нашей страной против нашего же народа, за кадром почему-то всегда остается то из них, что продолжается и по сей день, – квартирный вопрос. Уже в далеком прошлом и ГУЛАГ, и психушки для диссидентов; уже истлели у Кремлевской стены все, кому следует выставить за это счет, а квадратные метры, как неумолимые наследники жестокой советской эпохи, продолжают ломать судьбы. Уже и население в стране активно сокращается, и стройки раздирают столицу по швам, а жилья как не было, так и нет. И по-прежнему квартирный вопрос имеет тенденцию решаться трупами!

При слове «трупами» ее собеседник понимающе кивнул головой.

– Я не об этом, – смешалась Майя. – То есть преступность, конечно, никто не отменял, но я имею в виду, что, пока не умрет какой-нибудь старый человек, у молодого нет шансов перебраться в человеческие условия.

– Это, должно быть, очень тяжело – ждать чьей-нибудь смерти, – задумчиво сказал Карим.

– Да уж… – неопределенно пробормотала Майя. На самом деле ей хотелось ответить: «А еще тяжелее – так и не дождаться», – но она боялась произвести на своего спутника отталкивающее впечатление.

Майя вообще всегда следила за тем, чтобы у людей оставалось о ней правильное впечатление, но сейчас нервы были так подорваны и измотаны, что женщина

плохо себя контролировала и позволяла себе быть откровенной, не взвешивая каждое слово перед тем, как отправить его в разговор. Хотя обычно во время сколь-нибудь значимой встречи с мужчиной она мысленно затягивалась в корсет, заранее отсекая темы, которых касаться не желала. Это не делало ее молчаливой, отнюдь – человек, работающий на телевидении, в состоянии поддержать какой угодно разговор и даже наболтать много занятного для собеседника, но подобные продуманные разговоры никогда не велись о ней самой, а потому при всей их поверхностной увлекательности никогда не представляли для мужчин настоящего интереса. Но Майя об этом не догадывалась. Лишь потом печально констатировала тот факт, что у нее в очередной раз «не срослось».

– Хотите еще чаю? – спросил Карим, снимая кружку с закипевшей водой с газовой горелки.

– Я хочу остаться здесь, – отрешенно ответила Майя, глядя на близкие вершины гор, затянутые вечерней синевой, и обрамленный цветущими деревьями край обрыва.

– Прямо в палатке? – улыбнулся Карим.

– Да, – откликнулась Майя, – хотя можно и без палатки.

Она чувствовала, что говорит ему лишнее о себе, переставая строго следовать своему внутреннему этикету, но – черт возьми! – она же не на свидании. Ее судьба будет связана с судьбой Карима ровным счетом три дня, в течение которых он взялся быть ее проводником по Крымским горам.

После одуряюще жаркого дня холод наступил на удивление быстро – стоило солнцу скрыться за горой. Однако, дрожа и кутаясь во все захваченные с собою теплые вещи, Майя не переставала наслаждаться тем облаком запахов, среди которых они поставили палатку. Вокруг теснились кудрявые от желтых соцветий кусты барбариса, а там и тут между ними выступали усыпанные белизной дикие груши. Кое-где под деревьями, куда в течение дня не добирался зной, еще виднелись кроваво-красные капли диких пионов с игольчатыми листьями и четырьмя образующими чашу лепестками, а чуть дальше по плоскогорью на полностью открытых солнцу местах в изобилии стояли белые хвостики асфоделий. Майя чрезвычайно удивилась, когда Карим сообщил ей название

этих похожих на пушистую метелку цветов: она и не подозревала, что растение, согласно легенде украшающее поля в царстве мертвых, существует на самом деле. И выглядит ничуть не траурно – наоборот, забавно, словно Господь Бог сперва увидел его на детском рисунке, а затем решил насадить на земле.

При мысли о мертвых и вечности Майя неизбежно вспомнила о старухе, и светлое настроение, поднявшееся было в ней от разговора с Каримом, разом исчезло, точно солнце за горой. Ее вновь затрясла дрожь, как это было во время последнего разговора с Глафирой.

– Вам плохо? – заметил ее состояние Карим.

– Да. Нет. Не знаю. Горная болезнь, наверное, – с принужденным смехом поспешила объяснить она.

Карим покачал головой:

– Слишком маленькая высота.

Чтобы скрыть свою нервозность, Майя поднялась и прошлась вдоль края обрыва. Унимая дрожь, она крепко обхватила себя руками, но ее все равно трясло. Женщина чувствовала, что Карим внимательно наблюдает за нею, но сделать то, чего ей сейчас хотелось больше всего на свете – выговориться – она не могла. Рассказать ему о том, как она ждет, точнее, ждала, старухиной смерти, было бы еще полбеды – в конце концов, Карим, рожденный и выросший в СССР и живущий в бывшей союзной республике, с квартирным вопросом знаком не понаслышке – он должен ее понять. Но стоит поведать ему о том, что отколола старуха в преддверии своей смерти – и ее проводник наверняка сочтет (хоть виду и не подаст), что Майя не в своем уме. И скорее всего завтра вместо похода по Большому крымскому каньону под любым предлогом отвезет ее домой, чтобы не иметь дела с душевнобольной туристкой.

III

Изощренная прихотливость, свойственная Глафире Дмитриевне, проявлялась так часто и активно, что Майя порой недоумевала: и как старуха пережила дефицитные советские времена (не говоря уже о войне!) с таким привередливым подходом ко всему на свете? Она велела Майе купить ей новый комплект постельного белья и наотрез отказалась им пользоваться – Майя приобрела цветное, а, оказывается, подразумевалось чисто-белое. В ответ на уверения в том, что чисто-белого давно уже нет в продаже, Майя была объявлена бессовестной лентяйкой, которая нагло игнорирует просьбы старого человека. Теперь у нее, Глафиры Дмитриевны, непременно отпечатаются на спине все эти лютики-цветочки, украшающие простыни! И старуха принималась отирать слезы.

Эти мгновенные перескоки из позиции обвинителя в позицию жертвы раздражали Майю до последней степени. Мало того что старуха несправедливо выливала на нее обвинения, так потом еще и несправедливо прикидывалась обиженной. «Прочитай-ка мне телепрограмму… да не так, а помедленней! Ты что, нарочно так читаешь, чтобы я ничего не поняла? Издеваешься над старым человеком? Ну, издевайся, издевайся – квартира все равно твоя!» И снова слезы.

Порой у Майи сдавали нервы, и она выскакивала из старухиной квартиры, хлопнув дверью. Но неизменно возвращалась, потому что через день-другой Глафира Дмитриевна звонила и как ни в чем не бывало интересовалась: что это Майя давно не заходит? Забежала бы, чайку попила… А за чаем, который Майя, вся дрожа, едва вливала в себя маленькими глотками, Глафира Дмитриевна вдруг начинала расспрашивать ее о сыне и неожиданно давала дельный медицинский совет. Совет срабатывал, и раз за разом медицинские познания старухи приводили Майю во все большее восхищение.

К примеру, однажды, когда Никиту мучил тяжелый, непроходящий кашель, Глафира Дмитриевна велела давать ему лекарство, которое, согласно аннотации, снимало отеки тканей. Пребывая в полном недоумении от такого назначения, Майя тем не менее не посмела ослушаться. И кашель заметно ослаб уже к вечеру, а на следующий день от него и вовсе осталось одно воспоминание. Видимо, загадочное средство сняло отек в горле, вызывающий все новое и новое раздражение гортани. Майя была полна самой горячей признательности, однако на все восторженные «спасибо» старуха отвечала до обидного сухо и надменно. А затем высказывала очередную претензию: купленный недавно Майей кусок копченой курицы оказался склизким на ощупь. Очевидно, залежался на прилавке. Но разве молодежь дает себе труда по-настоящему заботиться о

старом человеке? Так, хватает что ни попадя, лишь бы отвязаться…

Делать старухе подарки было и вовсе невыносимо. Майя была приучена поздравлять родных и близких женщин на Новый год, Восьмое марта и день рождения (последний она подсмотрела в паспорте у Глафиры Дмитриевны, когда оформляли завещание). И как правило, ее подарки всегда имели успех. Ну, по крайней мере родные и близкие всегда делали вид, что получили именно то, что хотели. Однако кто-кто, а Глафира Дмитриевна была в этом смысле крепким орешком. Ее не радовали ни цветы («день простоят – потом выбрасывай»), ни конфеты («небось самой подарили – так не знаешь, куда девать»), ни мелкие приятности, вроде чашек и наборов кухонных прихваток. С разнообразными едкими комментариями все это сразу и демонстративно убиралось в дальний угол и не извлекалось на свет никогда. А одно из неудачных подношений и вовсе повергло Майю в транс. Глафира Дмитриевна периодически жаловалась на то, что ей совершенно не в чем пойти посидеть на лавочке у подъезда, и к очередному поводу Майя решилась преподнести старухе блузку. Шел второй год их знакомства, и женщина уже имела представление о старухином строжайшем вкусе, не допускавшем в ее гардероб никакой мало-мальски цветной одежды. Мышино-серое, черное, палевое, ну, может быть, тонкий белый кант – вот и вся палитра. Даже синие домашние тапочки (еще одна неудачная попытка подарка) были немедленно убраны с глаз долой – «сама поносишь после моей смерти». Итак, Майя, вся трепеща, отыскала на рынке предельно строгий черный блузон с белыми пуговицами и белой отделкой на воротнике и смиренно преподнесла своей мучительнице. К полной ее неожиданности, старуха пришла в восторг. Она засеменила к шкафу и достала оттуда объемистый пакет непонятного содержания.

– Моя смертная справа, – пояснила она, роясь в пакете и изымая оттуда невзрачную серую кофточку, чтобы уложить на ее место блузон. – Где мне теперь красоваться-то, как не в гробу?

Итак, выбранный с таким трудом и искренним желанием угодить подарок отправится прямиком под крышку гроба… Майя почувствовала такую горечь и унижение, как если бы злополучным блузоном прямо при ней вытерли грязную лужу на полу. Старуха не заметила. В лучших традициях своей безжалостной и не до конца еще ушедшей эпохи она не воспринимала такое понятие, как моральный ущерб.

Порой Майе казалось, и не без оснований, что когда-нибудь она сойдет с ума от сложности своих взаимоотношений со старухой. Та, как опытный охотник, подманивала жертву поближе своими медицинскими благодеяниями, а потом, едва человек раскрывался ей навстречу, неизменно била в самое сердце. И знала при этом, что злополучная дичь никуда не исчезнет, а вновь, истекая кровью, приползет к ней на брюхе – сорок семь метров общей площади и двадцать девять жилой способны вдохнуть второе дыхание в кого угодно!

Вопрос о детях в жизни Глафиры Дмитриевны по-прежнему оставался для Майи загадкой, но благодаря стечению обстоятельств тайна однажды приоткрылась. Возникла какая-то неразбериха с коммунальными платежами, и хозяйка квадратных метров велела Майе разыскать квитанции об оплате. Оказалось, что абонентские книжки лежат в маленьком пакете в большой коробке с документами в третьем ящике снизу в платяном шкафу. Майя впервые получила доступ в святая святых. До сих пор старуха сама выдавала ей бланки для заполнения и оплаты, но в этот раз Глафира Дмитриевна лежала в постели с кружащейся от пониженного давления головой, а решить проблему требовалось немедленно – грозило отключение телефона.

Открывая коробку с документами, Майя и не думала о том, что ей предстоит прояснить что-либо из старухиного прошлого, но неожиданно наткнулась на два свидетельства о рождении. Одно – на имя Синицина Петра Леонидовича, другое – Синициной Анны Леонидовны. В графе «мать» значилась Рыкова Глафира Дмитриевна – старуха.

Не в силах преодолеть искушение, Майя торопливо порылась в коробке. Ей попался школьный аттестат золотого медалиста Петра Синицина и несколько похвальных грамот. Одна из них была выдана Петру за работу вожатым и отличное проведение военной игры «Зарница» в пионерском лагере. Что касается дочери, то о ней больше не было никаких упоминаний.

– Ну, что ты там возишься? – раздался из комнаты слабый, но раздраженный окрик старухи, и Майя немедленно бросилась к ней с телефонными бланками. Но теперь по-настоящему разбуженное любопытство разъедало ей душу. И требовалось каким угодно образом это любопытство удовлетворить. Хотя бы потому, что над квартирой нависла угроза наследников.

На работе у Майи знали о присутствии в ее жизни старухи, но относились к этому неоднозначно. Втайне – Майя чувствовала – завидовали. Вслух обычно звучали смешки. Майе предлагали решить квартирный вопрос в духе Родиона Раскольникова; с газетой в руках обсуждали среднюю продолжительность жизни в стране… Короче, проявляли здоровый человеческий цинизм. Майя держалась соответственно – так, что никому из завистников-насмешников и в голову не могло бы прийти, что она испытывает к старухе… болезненную привязанность.

Это было сродни тому чувству, что в итоге примиряет тебя с постоянно глумящейся над тобой родиной – чувство горькой слитности в единое целое. И деться некуда, и что-то она тебе в общем-то дает, и жалко ее, в конце концов! Чего она только не испытала на своем веку! Родилась в революцию, детства не знала, молодость оборвала война и не дала продолжить разруха. Зрелость же была задавлена теснотой жилища, дефицитом, очередями, хамски пригибающим к земле давлением общественного устройства. На старости лет – реформы, инфляция, крушение прежнего мира, потеря того немногого, что за все тяжелые годы удалось отложить… С какой стороны ни смотри, старуха всю жизнь не жила, а выживала, а потому не видела человеческой жизни.

Любого человека, знакомого с историей нашей страны, такая судьба не удивит, более того, покажется типичной, не заслуживающей отдельного рассказа. Но Глафира Дмитриевна любила повествовать о пройденном ею пути, и делала это так, что Майя поневоле проникалась состраданием. И едва проходила боль от очередных старухиных выпадов, как она начинала жалеть старуху. А жалость распахивала сердце, и Майя отваживалась расспросить о том, можно ли все-таки давать ребенку парацетамол, если температура не превышает тридцати восьми, а Глафира Дмитриевна дельно и внятно высказывалась по этому поводу… И под конец признательность и сострадание опутывали сердце так, что эти путы, не сдаваясь, выдерживали очередные язвительные тычки. Более того, в стотысячный раз выслушивая нарекания от старухи, Майя порой всерьез начинала ощущать свою вину. Вину за то, что у нее самой большая часть жизни еще впереди и, возможно, она будет радостней предыдущей, а столь много пережившую Глафиру Дмитриевну не ждет впереди ничего светлого, кроме пламени крематория.

Оранжевые гранаты на груди, красота, не покоренная морщинами, мизантропство и ядовитые уколы, бездны медицинских познаний, рожденные, но исчезнувшие дети – старуха умела загадывать загадки! Особенно изумляла она Майю своей эрудицией. В тех редких случаях, когда Глафира Дмитриевна воздерживалась от оскорблений, беседа с ней доставляла истинное интеллектуальное удовольствие. Включая телевизор, Глафира Дмитриевна проявляла равнодушие к сериалам, но старалась просматривать хоть мало-мальски познавательные программы, на худой конец – новости. И посему, выкладывая на стол купленные для старухи продукты или развешивая на балконе белье, Майя частенько выслушивала рассказы о научном корпусе Наполеона или расшифровке крито-микенского линейного письма первого типа. Где находился легендарный Армагеддон, кто стоял за убийством Столыпина, как сложилась судьба внебрачного сына Екатерины Второй – вся эта животрепещущая информация обрушивалась на главного, если не единственного слушателя – Майю, и порою женщина со стыдом сознавала, что вечная замотанность и существование в рамках «работа – ребенок» сужают ее кругозор до микроскопически малых величин. Именно эта хроническая пристыженность перед старухой и заставила ее совершить шаг, имевший далеко идущие последствия.

Как-то весной (в тот период, когда старуха сдерживала язык, подпуская жертву на близкое расстояние) Майя поведала Глафире Дмитриевне о своих летних планах. Ничего оригинального, но вполне приятно: поездка в Турцию в начале июня, когда зной еще не силен, а море уже прогрелось. Услышав об этом, старуха с грустной полуулыбкой вздохнула:

– Ну что ж… сфотографируйся там на развалинах Трои! Съездить не могу – так хоть посмотрю.

Майя забормотала, что Троя (кстати, разве она не в Греции?) как-то не входила в ее планы – они с сыном собирались в Сиде.

– А-а… – разочарованно протянула старуха. – А почему не в Трою? Она ведь тоже стоит на море. Был бы тебе и отдых, и культура.

Майя была пристыжена: сама-то она мечтала исключительно об отдыхе, не заморачиваясь насчет культуры. Но сила старухиного влияния была такова, что женщина немедленно обратилась к турагенту с вопросом: как там насчет Трои? Существует ли какой-нибудь all inclusive под крепостными стенами?

Однако выяснилось, что информация от Глафиры Дмитриевны устарела на много веков: со времен Гомера море отступило от воспетого им города километров на десять. Курортной зоны поблизости нет. Но если хотите, можете отправиться в экскурсионный тур по бывшим греческим городам на территории Турции. Начало июня – самое подходящее время: на руинах колышутся маки, трава еще не сгорела от зноя…

И Майя, заручившись согласием сына, сказала «да». Не могла же она в тот момент вообразить, чем обернется ее невинная познавательная поездка!

IV

– И как вам Троя? – поинтересовался Карим, раздув притихшее было пламя в каменном костровище.

– Троя? В общем, занятно, но только если помнить о том, что это Троя. А так… несколько стен, пара колонн, а в основном – трава да маки. К тому же я только сейчас поняла, насколько бледное впечатление получаешь в групповом туре. Вот если бы пройти по тому же маршруту неторопливо, вдвоем, вот так, как мы сейчас…

Она осеклась. Лишь бы он только правильно понял ее слова! Лишь бы не принял их за попытку заигрывания! Одни, ночью, на этом плато… Она должна оставаться для него исключительно экскурсанткой, а он – исключительно экскурсоводом.

Майя опасалась отнюдь не того, что Карим воспользуется первой же возможностью, чтобы нарушить заранее оговоренные условия и намекнуть ей на прелести ночевки вдвоем. Нет, с самого начала их знакомства интуиция заверила ее в том, что рядом с этим человеком она находится в безопасности. Но не придет ли ему в голову, что она чисто по-женски дает ему повод за собой поухаживать? Майя внутренне сжалась: она уже давно отвыкла от роли женщины, которая готова принимать ухаживания.

– Когда по-настоящему живешь только в отпуске, – торопливо начала пояснять она, – то, естественно, ценишь каждый отпускной день. И хочется, чтобы он прошел именно так, как было задумано.

– Вы так сильно устаете на работе? – спросил Карим.

Устает? О нет! Она уже устала, и давным-давно! Измучена и вымотана настолько, что сбежала от собственной жизни невесть куда, совершив кощунство и не взяв с собою ребенка. Устала от постоянной борьбы за выживание, в которую неизбежно превращается жизнь одинокой матери, от безысходности, от тоскливой невозможности даже мечтать о счастье. Устала раз за разом убеждаться в жестокой формуле: жизнь становится терпимой лишь тогда, когда ставишь на чувствах крест. Любя, слабеешь, ненавидя и надеясь, слабеешь еще больше, а значит, и то, и другое, и третье следует гнать из сердца поганой метлой. Душевные силы – для сына, физические – для работы; и если раньше жизнь еще была озарена надеждой на квартиру и смерть старухи, то сейчас не осталось и этого. Осталась только горькая реальность, от которой она скрылась лишь на время, чтобы, вернувшись, вновь согнуться под невыносимым бременем жизни.

– Мне казалось, что на телевидении скучно не бывает, – вновь подал голос Карим. – Вы ведь там работаете, да?

Его взгляд казался ей удивительно внимательным, словно ее ночному собеседнику была и впрямь небезразлична ее судьба. Раньше Майя никогда не отдавала себе отчета, насколько глубоким и вдумчивым кажется взгляд темных глаз, насколько располагают к откровенности мягкие черты лица. Внешность Карима, в которой проступала и русская, и татарская кровь, смотрелась бы экзотически в кругу людей, среди которых Майя работала и уставала от жизни, но на этом диком плоскогорье, озаренное пламенем костра, его лицо казалось органичной частью окружающего пейзажа. Перед этим человеком хотелось выговориться, как хочется порой излить душу наедине с полем или лесом.

– Да, когда размещаешь рекламу на ТВ, скучно не бывает! – горько усмехнулась Майя. – Постоянные сдвиги программ по сетке – попробуй уследи, чтобы ролики выходили именно в то время, которое проплачено! Целый день я что-то улаживаю то с клиентами, то с руководством канала. Но иногда действительно бывает забавно: когда подашь заявку на рекламу, а ее сочтут неполиткорректной.

– Это не только в Америке бывает?

– Нет, и у нас – сколько хотите! Например, запретили ролик, в котором мальчик ворует у дедушки с вилки сосиску – так, мол, она ему понравилась! Сказали: неправильная модель отношений между поколениями. Зато когда парень бросается на девушку и насильно раздевает, чтобы выхватить из-под одежды ту же самую сосиску, это не вызывает никаких нареканий. Идеальная, видимо, модель взаимоотношений!

Карим рассмеялся. Майя не могла не улыбнуться в ответ на его заразительный смех, но в душе по-прежнему свербело. Мечтая излить душу, она опять ушла от единственной по-настоящему волновавшей ее темы. Ушла от темы, ушла от возможности сближения… Словно весь день послушно шагая вверх по горам вслед за этим человеком, теперь, на вершине, она пыталась от него сбежать.

Майя поймала себя на том, что вновь взволнованно ходит взад и вперед вдоль края обрыва. Нервы! Старуха! Это они расшатали ее душу, неизвестно зачем заставили умчаться вон из Москвы, загнали на эту гору и вот сейчас не дают остановиться в этой непрестанной ходьбе. Надо хоть что-то с собой делать! Что-нибудь – хоть выпить воды.

Майя взялась за пластиковую бутылку, где хранился их запас, но выяснилось, что та пуста. Обидно! Источник, близ которого они разбили лагерь, находился в лесу, в пяти – семи минутах ходьбы, но сейчас, с заходом солнца, идти до него пришлось бы в полной темноте. Правда, имелся фонарик, но это не прибавляло Майе ни капли смелости.

– Хотите пить? – осведомился Карим с явным намерением решить ее проблему.

Майя махнула рукой:

– Ничего, съем яблоко.

Несмотря на свои слова, за яблоко она так и не взялась. Хотелось не влаги во рту – хотелось успокоиться, а последнее было в компетенции воды, отнюдь не фруктовой мякоти. Попросить Карима, тем более что он готов предложить свои услуги? Но Майя предпочитала никого ни о чем не просить. Любая просьба – это

шаг к близости, а близость ей не нужна.

Вскоре они с Каримом затушили костер и запаковали на ночь остатки продуктов. Майе предстояла ночь в палатке, а Кариму – в спальном мешке, поверх которого будет натянут полиэтиленовый полог на случай дождя. Какое-то время, сама не зная зачем, Майя наблюдала за тем, как умело и обстоятельно Карим готовит себе ночлег, растягивая тент на ветвях дикой груши, а затем, уже лежа в спальном мешке, слышала, как он заботливо набрасывает и укрепляет такой же водонепроницаемый полог на ее палатке. Видела, слышала и старалась обуздать ту невесть откуда взявшуюся теплоту, что поднималась в душе. Он – экскурсовод, она – его клиентка, и встреча их – на три дня, не более того.

Она уже додумывала последние мысли перед сном, когда услышала, как снаружи расстегивают молнию на ее палатке. Майя испуганно вскинулась и увидела, как в образовавшееся отверстие просунулась рука Карима. В руке была бутылка с водой. Он тихо положил ее у ног женщины и снова наглухо застегнул палатку.

V

Несмотря на то что Троя действительно не оправдала Майиных ожиданий, в целом она осталась весьма довольна своим турецким вояжем. Ее по-настоящему поразил Пергам – увенчанный руинами колоннады высокий холм, взойдя на который легко представить себя в кругу небожителей. Ее воображение было покорено подземным водохранилищем в Стамбуле, чьи огни и мраморные опоры, отражаясь в воде, уходили словно в подземное царство. Никита прыгал от восторга, когда вспугнутые им на берегу пруда черепахи прыгали в воду, точно лягушки средней полосы, и разгоревшимися глазами всматривался в темную гладь: там на дне проступали очертания разрушенного и затянутого тиной античного храма. И (Майю слегка раздражало это обстоятельство) всюду упорно пытался отыскать древние монеты. Мать устало доказывала, что все более или менее ценное, что можно было обнаружить в этих краях, раскопали и подобрали давным-давно, но Никиту это не обескураживало. И в подтверждение своей идеи фикс мальчик то и дело находил у придорожных кафе, где они останавливались перекусить, купюры в одну, а то и целых пять турецких лир.

За неполных девять лет Никитиной жизни Майя успела свыкнуться со странным хобби своего сына – искать и находить материальные ценности, – но понять, а тем более разделить его пристрастие к кладоискательству так и не смогла. Порой ее даже выводило из себя, когда на воскресной прогулке сын, вместо того чтобы носиться и пинать банки из-под пива, как положено нормальному мальчишке, шел, сосредоточенно глядя себе под ноги и едва отвечая на ее расспросы. Мало-помалу Майя чувствовала, что закипает, но едва ее раздражение готово было выплеснуться наружу, как Никита нагибался и с удовлетворенным видом преподносил матери кем-то утерянные часы. Или симпатичное серебряное кольцо. Или даже непарную, но золотую серьгу. Не говоря уже о веренице мелких монет, которых за неделю набиралось рублей на десять.

Несмотря на прибыль в доме, Майя никогда не отзывалась об увлечении сына со знаком плюс. Ну нормально ли это, когда мальчишка, вместо того чтобы гонять мяч в компании других пацанов, бродит по улицам один как сыч, а возвращается под звон мелочи в карманах? Чувствуя материнское неодобрение, Никита повел себя как опытный конспиратор: выпросил на день рождения фотоаппарат и отныне стал уходить из дома под благовидным предлогом. Но с тех пор прошло уже более полугода, а мальчик ни разу не попросил у матери зарядить новую пленку; при этом счетчик кадров замер между отметками «два» и «четыре». Зато Никитина коробочка, где он хранил свое благосостояние, пополнилась купюрами в пятьсот рублей и двадцать долларов.

– Тебе чего-то не хватает? – неоднократно спрашивала Майя.

В ответ – опущенные глаза и невразумительное переминание с ноги на ногу. В итоге Майя была вынуждена махнуть рукой. Однако в Турции проблема вспыхнула с новой силой. Теперь Никите всюду мерещились древние клады, а в Трое, после рассказа о золоте Шлимана, мальчик замучил мать предположениями, что знаменитый археолог-дилетант наверняка оставил какую-то часть сокровищ в земле. В конце концов Майя довольно резко велела ему успокоиться и слушать экскурсовода, но по глазам мальчика она видела: сын не здесь и не сейчас, а в тот момент, когда в земле у крепостной стены что-то тускло блеснуло под лопатой, впервые за много веков отражая солнечный свет.

Руины античного курорта Хиераполиса близ теплых источников Памуккале, точнее, его прекрасно сохранившийся некрополь, еще больше подстегнули

воображение мальчика. Захоронения! Именно в них-то, как правило, и находят клады. Однако слова экскурсовода о том, что древние греки не отправляли с мертвецами в мир иной ничего, кроме мелкой монеты за транспортировку души, заставили его приуныть. Зато Никита отвел душу в «Бассейне Клеопатры» – чудесной естественной ванне с теплой минеральной водой. На дно ее туристы в изобилии бросали монеты, и Никита то и дело торжествующе выныривал перед матерью с целой пригоршней евроцентов. Майя поджимала губы, но воздерживалась от комментариев, чтобы не портить ему настроение.

После купания, расчесывая перед зеркалом мокрые волосы, Майя вдруг отметила в своем лице какую-то новую черту и вгляделась попристальней. Губы! За два с лишним года знакомства со старухой губы почти исчезли с ее лица от постоянной необходимости поджимать их, вместо того чтобы открыто выплеснуть свой гнев. Рот у Майи и так-то был невелик, а сейчас, когда нижняя губа практически втянулась внутрь, он едва обозначался на лице. Глаза глядели слишком пристально, гораздо пристальнее, чем должны взирать на мир ласковые женские глаза, а во всем облике так и сквозила нервозность и издерганность. Волосы, вместо того чтобы пышно обрамлять ее резковатые черты, висели слабыми, истонченными прядями, а нос точно нацелился кого-то клюнуть. Кожа возле крыльев носа была, несмотря на кремы, стянутой и высохшей; собирались морщинки и на подбородке. «Старуха!» – в ужасе крикнул внутренний голос.

Майя поспешила отступить от зеркала, выпростала нижнюю губу из-под верхней и сказала себе, что все не так плохо, но женщине слабо удавался как обман, так и самообман. Да, возраст берет свое… А что поделаешь? Майя отлично знала беспроигрышные рецепты молодости для женщин за тридцать: долгий сон, отсутствие нервотрепки, теплые и прочные отношения с мужчиной – но ни единого ингредиента из этого списка не было в ее жизни. Будут ли? Иногда Майя осмеливалась помечтать о том, как они с Никитой поселятся в старухиной квартире вместо того, чтобы отдавать львиную долю заработка за съем их теперешней однушки. Возможно, тогда она вспомнит о том, что женщина в ее возрасте может не только пахать на работе, но и расслабляться; не только жить интересами ребенка, но иногда и ставить на первое место свои собственные. Впервые став полноправной хозяйкой жилья, она с наслаждением будет выбирать обои и мебель, плитку и линолеум, светильники и бытовую технику и неминуемо расцветет от стольких положительных эмоций. Тогда можно будет подумать и о том, что их с ребенком многолетнему дуэту пора бы разрастись до трио. Тогда можно будет и снять душу с тормозов. Но пока что ее, словно паранджа, накрывала мысль о том, что еще не время. Не время открываться для

какого бы то ни было чувства! Да и не место. Группа большей частью состоит из образованных и культурных женщин в возрасте, есть несколько семейных пар, а свободного мужчины ни одного. Не считая их гида, вполне симпатичного турка, который при каждом удобном случае подчеркивает, что не женат. Это неизменно собирает вокруг него немногочисленных в их автобусе молодых туристок, но Майя с самого начала поездки взяла себе четкую внутреннюю установку: сама она едет исключительно в компании сына. Помимо Никиты, ей не требуется ровным счетом никакого мужского общества, а мальчика хватает в избытке!

Каппадокия – край вулканических гор в самом сердце Турции – произвела на Майю впечатление чего-то абсолютно нереального. Нет, пейзаж никак не может быть настолько фантастичен! В разное время произошедшие здесь извержения вулкана породили на свет удивительную горную породу – точь-в-точь четко граничащие друг с другом пласты разноцветного желе. Молочно-белые, терракотовые и – совершенно невероятно! – розовые. А ветра придали этому мягкому пористому камню геометрически правильную конусообразную форму. Впрочем, не везде: там, где верхняя часть породы была потверже, конусы невысоких гор были увенчаны очаровательными каменными шапочками.

Майя едва успевала делать снимки. Одна долина, по которой они проезжали, сменялась другой, с еще более сказочным ландшафтом. Где-то горы напоминали многогорбых верблюдов, где-то – улиток, где-то – полянку белых грибов. Поистине природа здесь сделала все, чтобы человек забыл, в каком мире он находится, и поверил в возможность чудес.

Однако наиболее поразительная часть Каппадокии скрывалась под землей. В ходе истории этот край многократно переходил из рук в руки, и жители сказочных долин вынуждены были не один раз выдерживать натиск врага. Мягкая порода позволила им выдолбить в склонах гор уходящие глубоко под землю цепи пещер. Майя с сыном спускались все глубже и глубже, а подземному городу все не было конца.

– Мама, как ты думаешь, – прошептал впечатленный всем увиденным Никита, – где тут могут быть спрятаны сокровища?

Боже, опять!

– Здесь нет сокровищ, – отрезала Майя, не желая вступать в дискуссию.

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказал экскурсовод.

– А он откуда знает? Вот сюда он разве спускался?

Майя заглянула в отверстие, к которому подтаскивал ее Никита, и тут же отпрянула. Вертикально вниз, в темноту, уходила узкая шахта, из которой веяло холодом. В одной из ее стен были выдолблены углубления для ног. Судя по тому, как свободно гулял в этой шахте воздух, можно было предположить, что она служила для вентиляции.

– Да сюда ни один нормальный человек не спустится, – заявила Майя, отступая назад.

– А если с веревкой?

– Знаешь что? Не трепи мне нервы!

Уже поднимаясь наверх, она была вынуждена выслушивать бормотание сына за спиной:

– Но ведь это же замечательное место для клада! Если все боятся сюда слезать, значит, здесь и должны были спрятать! Вот если упереться спиной в одну стенку, а ногами идти по ямкам в другой стене, да еще чтобы кто-то держал тебя на веревке…

Майе хотелось заткнуть уши.

Впрочем, наверху, когда их отвезли в очередную горную долину и выпустили из автобуса погулять, Никита, казалось, забыл про свои кладоискательские интересы и возбужденно бегал среди розовых гор. В какой-то момент Майя, разомлев на солнце, потеряла его из виду. А когда автобус призывно загудел, сзывая туристов в свое нутро, мальчика в поле зрения не оказалось.

Испуганно крикнув водителю, чтобы тот повременил с отъездом, Майя бросилась на поиски. Просто невероятно, куда мальчишка мог запропаститься за такое короткое время! Майя сперва кричала, оглашая словом «Никита» каппадокийские долины, а затем, когда это не принесло результата, побежала почти наугад туда, куда, как ей казалось, могло завести ее сына любопытство.

Она угадала. Никита был обнаружен карабкающимся по конусообразному склону горы, стоящей в тени, на отшибе, которую почти заслоняла другая гора. Майя представить себе не могла, что привлекло мальчика в столь уединенном и не бросающемся в глаза месте.

– Мама, подожди! – крикнул он, не оборачиваясь, в ответ на ее вопли об отъезжающем автобусе. – Я почти добрался!

Мать подбежала к нему вплотную. И ахнула, увидев, куда карабкается сын. На высоте около трех метров от земли была выдолблена пещера. Собственно говоря, в этом не было ничего необычного для этих мест – горы то там, то здесь пестрели пещерами, – но эта была на удивление низкой и вытянутой по горизонтали. Кроме того, она находилась в полном одиночестве: рядом нельзя было заметить никаких других следов присутствия человека. Майе тут же пришло в голову, что здесь, вдали от жилья, вполне могли устроить могилу.

– Слезай сейчас же! – завопила она. – Там… там змеи!

Это возымело действие: Никита испуганно скатился вниз, и мать, схватив его за руку, потащила в автобус. Всю дорогу до отеля мальчик выглядел расстроенным, а под конец обратился к матери с предложением: что, если отправиться в это же место на следующий день рано утром до отъезда в другой город? Ведь можно взять такси! А змей, перед тем как исследовать необычную пещеру, распугать камнями…

– Но как же мы ее найдем? – втайне радуясь тому, что может на «законном» основании дать отказ, возразила Майя. – Карты у нас нет, да я и забыла уже, где останавливался автобус. К тому же с утра я хотела прикупить сувениров; помнишь, тебе они тоже понравились? Такие тарелочки в национальном стиле с арабскими письменами…

Сколько бы очаровательных сувениров Майя ни приобрела в этой поездке (и талисманы-обереги в виде голубого глаза, и платки, расшитые монетами, и целую стопку тарелок), ее, не отступая, сверлила мысль, что старуха так и останется без подарка. Ведь ровным счетом ни одна из тех вещиц, которыми сама Майя любовалась в турецких лавках, не пришлась бы Глафире Дмитриевне ко двору. А привезти ей хоть что-то все равно необходимо, как бы ни надругалась старуха над подарком впоследствии… Гениальное решение нашлось неожиданно. Одно из тех мест, куда завозил Никиту и Майю туристический автобус, считалось домом Богородицы, где та провела последние годы жизни, опекаемая любимым учеником Христа, Иоанном. Майя не стала задаваться вопросом, чего в истории этого дома больше – истины или легенды, покоренная его тихим очарованием, серебром склонившихся к нему олив, живым огнем теснящихся внутри него свечей. Под низкими сводами этого маленького уединенного жилища ею овладела удивительная благость всех чувств и мыслей, никогда не посещавшая ее прежде; она прикрыла глаза и словно в дреме вдруг увидела перед собой чье-то радостное лицо. Губы распахнулись в веселой улыбке, глаза светятся счастьем, от лица так и веет беспечальной молодостью, и оно ей смутно знакомо, хоть женщина и не могла установить с ним в памяти четкую связь. Затем она услышала приглушенные разговоры других туристов за спиной, и видение исчезло, на весь оставшийся день подарив Майе ощущение беспричинной радости и светлой надежды.

Возле дома Богородицы било несколько ключей, и Майе захотелось набрать из них воды. Как им шутливо объяснил экскурсовод, вода первого источника дает здоровье, второго – счастье, третьего – молодость. Майя, улыбаясь этим заверениям в волшебных свойствах воды, решила подставить бутылку под струи здоровья и счастья, но вдруг ее осенило. Молодость! Вот что она привезет в подарок старухе! И вряд ли Глафира Дмитриевна откажется от бутылки чистой, чуть сладковатой на вкус воды. Посмеется над ней, конечно, возможно, укольнет за веру в чудо, но все же выпьет. А значит, впервые подарок из Майиных рук будет принят.

Все произошло именно так, как она и рассчитывала: старуха отпустила пару комментариев о «поповских бреднях», но бутылку приняла. Придирчиво оглядела Майин загар и сообщила, что рак груди напрямую связан с количеством солнечной радиации: установлено точно, так говорили во вчерашней передаче. А Майя про себя отметила, что старуха стала сдавать. За время Майиного отсутствия, пусть и непродолжительного, Глафира Дмитриевна

как-то высохла, хоть Майя и оставляла в холодильнике огромный запас продуктов. Ходила она теперь ссутулившись и по-старчески шаркала, чего Майя никогда не замечала за нею прежде. Она как будто стала хуже видеть и явно путала цвета – назвала Майину желтую блузку розовой, а голубые брюки зелеными, да еще и поставила женщине на вид, что надевать зеленое с розовым дурной тон. Кроме того, у старухи поминутно прыгало давление, и под конец Майиного совсем непродолжительного визита Глафира Дмитриевна улеглась в постель – ее замучили головокружения.

Трудно передать, в каком приподнятом настроении уходила Майя от Глафиры Дмитриевны в тот день. Она не сомневалась, что конец железной старухи уже недалек, и радовалась тому, что расстается с ней по-человечески: наконец-то сделав подарок! Теперь дело за временем, а время неминуемо сделает свое дело.

VI

Утром она умывалась в горном ручье, усыпанном лепестками дикой яблони. Сотни лет стремясь по каменному руслу, вода образовала в нем крохотные ванночки, где течение было не столь быстрым; там-то на поверхности и кружились лепестки. И Майя со смехом плескала себе в лицо «яблоневой» водой.

Вернувшись к палатке сквозь облако ароматов на прогретых солнцем полянках, она застала Карима за приготовлением завтрака. Не разводя костер, он кипятил кофе в кружке на газовой горелке. При виде него на Майю напало смущение.

– Я вам так признательна за воду, – начала она.

– Не за что.

Майя опустилась на землю рядом с ним.

– Вы меня очень тронули, – еще тише и еще смущеннее продолжала она.

– Такой-то ерундой?

– Это не ерунда! – запротестовала Майя. – Это так редко встречается в жизни, когда кто-то кому-то делает добро.

– Вы серьезно так думаете? – удивился Карим. Его обычно спокойные глаза округлились, и во взгляде мелькнуло что-то детское.

Майя не ответила, иначе ей пришлось бы слишком долго высказываться на эту тему.

Во время завтрака, наблюдая за Каримом, она пыталась определить его возраст. А ведь он моложе ее самой, это как пить дать! И моложе лет на семь, если не на десять. Значит, ему около двадцати пяти, вряд ли больше. Майя судила не столько по отсутствию морщин и крепкой гладкости кожи сочного орехового цвета, сколько по выражению глаз. Глаза у Карима были веселые. В них не чувствовалось никакой затаенной грустинки, а улыбка, если уж появлялась на лице, то сияла от всей души. (Поначалу это даже приводило ее в замешательство: слишком уж она привыкла к наигранно-официальному растягиванию губ на работе.) При этом Карим не казался смешливым; на протяжении всего их путешествия он проявлял себя внимательным и вдумчивым слушателем, надежным проводником и в целом мужчиной, всегда ведущим себя по-мужски.

– Сейчас, как я вам и обещал, – сообщил Карим, раскладывая перед ней карту, – мы пойдем по краю Большого каньона и спустимся к Ванне молодости. Сверху будут отличные виды – готовьте фотоаппарат, а в Ванне молодости можно искупаться.

Молодость! Старуха! Майю передернуло.

– Насколько же я помолодею? – с вымученным смешком осведомилась она.

– А на сколько вы хотите? – улыбнулся Карим.

Майя махнула рукой, как бы прощаясь с начатой шуткой:

– У среднего возраста есть свои преимущества, правда? Хотя, что я вас спрашиваю – вам еще далеко до среднего возраста.

Она осталась довольна тем, что произнесла эту фразу. Давно следовало вслух обозначить возрастную дистанцию между ними, чтобы не возникало соблазна думать о Кариме больше, чем о временном провожатом в походе.

– А сколько, вы считаете, мне лет? – с любопытством спросил Карим.

– Двадцать пять?

– Мне сорок.

Майя была поражена. Да, истинный возраст человека удается определить не всегда, но промахнуться на пятнадцать лет!.. Она ошеломленно вглядывалась в черты Карима, пытаясь отыскать в них подтверждение его словам – усталость под глазами, гармошку мелких морщинок возле ушей, ноздреватые поры… Но нет, все молодо, свежо и гладко.

– Вы меня разыгрываете? – спросила она.

– Нет.

– Но в это невозможно поверить!

Карим пожал плечами:

– Вернемся – я покажу вам свой паспорт.

– Но, но… но как же?..

– Я ведь столько раз окунался в Ванну молодости! – поддразнил ее Карим.

Майей вдруг овладело полное бессилие. Она была бы счастлива к чему-нибудь прислониться, но за спиной не было ничего, кроме воздуха, и женщина сгорбилась, уронив руки перед собой. Ну как, как, скажите на милость, как они все молодеют?! Сначала Глафира, теперь этот парень… Неужто в названиях всех этих ванн, источников и струй молодости есть хоть капля правды?

Слезы хлынули дружно и бурно. Майя плакала навзрыд, не стесняясь Карима и не боясь создать о себе неправильное впечатление. Ей было все равно; она хотела хоть немного облегчить ту боль, что испытывала весь последний год. Самую страшную боль – от крушения надежд.

Она почувствовала, как Карим, присев возле нее на корточки, пытается взять ее судорожно прижатые к глазам руки в свои, услышала, как он шепчет что-то успокоительное, но в ответ рванулась, чтобы освободиться от него.

– Не трогайте меня! – закричала она. – Мне тридцать пять – я уже старуха! Зачем я вам нужна? Вы молоды, вы лжете, я никогда не поверю, что вы старше меня!

Но ему уже удалось обхватить ее и прижать к себе, не уставая успокоительно поглаживать и что-то нашептывать. И Майя сдалась – привалилась головой к его плечу и принялась беспомощно всхлипывать. И между приступами затихающего плача услышала, как Карим говорит:

– Не переживайте так сильно! Хотите стать молодой – станете. Вот сейчас вы успокоитесь, и я вам расскажу, как это сделать.

VII

Подарив старухе воду из источника молодости, Майя предполагала, что не увидит ее раньше чем через неделю. Но уже на следующий день у нее в доме раздался звонок, и звонок непонятный. Голос в телефоне вроде бы принадлежал старухе, но тем не менее чем-то от него и отличался. Майе показалось, что Глафира Дмитриевна стала говорить гораздо тверже и звонче. Голос в обычных безапелляционных выражениях велел Майе немедленно приехать, потому что надо «обсудить кое-что серьезное».

Открыв дверь, Майя замерла на месте. Напротив нее, выйдя на звук поворачивающегося в двери ключа, стояла… да, несомненно, внучка Глафиры Дмитриевны. Вряд ли дочка – незнакомая женщина приходилась Майе ровесницей. Майя не видела смысла спрашивать, кто же такая незнакомка, потому что черты ее лица говорили сами за себя. Внучка была настолько точной

копией бабушки, что Майю охватил священный трепет: до чего же хороша была старуха в юности! Какая отточенность и вместе с тем искусительная смягченность черт! Серые глаза напоминали дымчатые агаты, а брови – драгоценные собольи меха. Высокий изящный лоб, слегка проступающие под кожей скулы и нежные овалы щек, переходящие в округлый, но твердый подбородок, были точно вырезаны вдохновенным мастером из моржовой кости – так глубока была их белизна. На груди у внучки победно горел кулон из оранжевых гранатов, словно заявляя о том, что после смерти Глафиры Дмитриевны именно эта женщина станет ее наследницей.

– Вот, посмотри, что ты со мной сделала! – сказала женщина с кулоном на груди.

Майя оторопела.

– Что я с вами сделала? – дергающимися губами выговорила она. – Да я вас первый раз вижу! Вы – внучка Глафиры Дмитриевны, да? А сама она где? Она лежит? Она здорова? Она жива? У меня завещание на квартиру, учтите! Я вам без суда эту площадь не отдам – я уже три года за ней ухаживаю! Поздновато вспомнили о бабушке!

– Майя, это я, – сказала сибирская красавица.

Вся дрожа от напряжения, Майя уставилась на женщину. Неужели они знакомы? Но при Майе к старухе никто и никогда не заходил. Круг общения Глафиры Дмитриевны ограничивался другими бабушками на лавочке у подъезда, а их Майя знала наперечет. Кто же это может быть? И вдруг она, к полному своему недоумению, заметила, что незнакомая ей молодая женщина одета в старушечьи кофту и юбку, причем те, которые носила в стенах квартиры сама Глафира Дмитриевна. На стройных и крепких ногах красовались дешевые, плохого качества, колготки, а обута красавица была в давно годящиеся на помойку тапки.

– Я это, я, не узнаешь, что ли? – повторила Глафира Дмитриевна.

Майя чувствовала, что не может сглотнуть слюну – горло стало сухим, как терка.

– Напоила меня своей турецкой водой – вот и получай! – подвела итог бывшая старуха.

Прислонившись к двери, от которой она так и не успела отойти, Майя сползла по ней на пол. Прямо на коврик для вытирания ног. Осознание страшной истины наконец-то шарахнуло по организму – ее скрутила тошнота, в глазах стали, мелькая, сливаться черные пятна. Оценив ее состояние, Глафира Дмитриевна плеснула ей в лицо водой из пластиковой бутылки. Видимо, остатками той самой.

– Вставай, потолкуем, – насмешливо бросила она и четким, твердым шагом направилась на кухню.

Как все было? Да настолько буднично и просто, что нечего и рассказывать. Сперва она решила полить из бутылки с турецкой водой цветы, но как раз в этот момент у нее в очередной раз закружилась голова, и Глафира Дмитриевна вынуждена была прилечь. Потом захотелось пить, а подниматься она опасалась… Отхлебнув воды из бутылки, Глафира Дмитриевна заснула, точнее, провалилась в ту обессиленную дремоту, что всегда бывает следствием пониженного давления; проснулась же она с удивительно ясным сознанием. Она легко поднялась, принялась готовить себе кофе и, выполняя привычные манипуляции с чашкой, подивилась тому, какими тонкими и стройными стали вдруг ее пальцы. Да и морщинистая сухость куда-то исчезла… Не конкретизируя свою дальнейшую реакцию, Глафира Дмитриевна просто махнула рукой.

– И что же теперь? – придушенным голосом вопросила Майя.

– Теперь? – оживленно откликнулась Глафира Дмитриевна. – Теперь одеться надо как-нибудь по-современному.

Уже по дороге на рынок Майя волей-неволей отмечала, что, даже облаченная в свою смертную справу (самое приличное, что нашлось в доме для выхода в свет), Глафира Дмитриевна без конца притягивает мужские взгляды. А уж после того, как они покинули рынок, доведя до нервного истощения продавщиц, оборачиваться вслед стал чуть ли не каждый встречный мужчина. Стройная и статная, натуральная блондинка, с лицом, в котором ни единая линия не отклонялась от совершенства, сибирячка была облачена в стильные кремовые брюки и бежевую блузку, словно идеальный рыцарь в идеальные доспехи. Она казалась бизнес-леди, покинувшей офис со строгим дресс-кодом. Майя чувствовала: стоит Глафире (так, без отчества, теперь она мысленно называла

старуху) остаться одной, без провожатой, как за нею вырастет целый хвост мужского пола, вдохновленный ее безупречным внешним видом. О том, как смотрится она сама рядом с такой впечатляющей дамой, Майя предпочитала не задумываться.

– Зайдем-ка сюда, – велела Глафира, останавливаясь перед дверью весьма недешевого на вид кафе, вставшего у них на пути. – Надо же посмотреть, как оно теперь все – по-новому.

За столиком, сделав заказ с таким горделивым достоинством, точно ее никогда в прошлом не унижали работники общепита, Глафира по-хозяйски обратилась к Майе:

– Что будешь пить? Здесь крымские вина есть? Вот это я люблю! Возьмем по двести грамм Бастардо?

– Мне все равно, – убито откликнулась Майя. Она так и не смогла ни поверить в свершившееся чудо, ни смириться с ним.

– Все равно ей! – усмехнулась Глафира. – Все равно должно быть нам, старикам, а ты меня втрое моложе. Что, не оправдала я твоих ожиданий, воскресла? Так и скажи, не сиди как в воду опущенная. А то она и смерти моей ждет, и хорошую из себя корчит! Так, милая, не годится! Или кулаком об стол, но своего добейся, или тишком-молчком, да в праведники. Не вызывала бы ты ко мне зимой «скорую» – твоя была бы квартира еще тогда, а вызвала – получай!

– Неужели нельзя по-хорошему добиться своего? – горько спросила Майя, сраженная Глафириной философией.

– Нельзя, – не задумываясь, отвечала Глафира. – Или ты людей прижимаешь, или они тебя. Я вот тебя саму как давила! Ты у меня пикнуть не могла – все по-моему делала. А так разобраться, какие у меня силы? Старуха! А ты, молодая, сильная, так терпела, что даже противно становилось.

– А что мне еще оставалось делать?! – яростно прошипела Майя. – У нас не запад, у нас кредиты на квартиры дают тем, кто и так в деньгах не нуждается.

– Что ж ты мужика-то себе с деньгами не нашла? – беспардонно ткнула ее Глафира. – Вон в киосках сплошняком книжки про то, как стервой стать да олигарха себе отхватить. Сходила бы в клуб, приоделась бы… А то в Трою ездишь со старухами.

Последний укол окончательно вывел Майю из остатков равновесия.

– Вы же мне сами советовали ехать в Трою! – со слезами выкрикнула она.

Глафира усмехнулась:

– А если я тебе завтра повеситься посоветую, ты меня тоже послушаешь? Ты зачем со старухой связалась? Зачем старушечьей жизнью живешь? Ты же молодая еще – должна с мужиками гулять да аборты делать, а ты, как монашка, меня обихаживаешь. А я тебя, видишь как подвела, – не скрывая гордости, добавила Глафира, – все труды – псу под хвост! Теперь ты в мою квартиру въедешь лет через восемьдесят. Если сама, конечно, Богу душу не отдашь.

Майя молчала. Сказать, что она была убита, означало ничего не сказать.

– А хотя, – вновь заговорила Глафира, – пожалею-ка я тебя, что ли! Въезжай прямо сейчас. Ты со своим Никитой – в одной комнате, я – в другой. Вместе будем хозяйство вести, вместе гостей принимать – мы же теперь как сестры!

Она рассмеялась, и смех этот вопреки молодому голосу показался Майе дребезжащим, старушечьим. Жестокий смех, взявший верх над всеми ее слабыми слезами и приведший все ее чаянья и надежды к бесславному концу. Вновь над ней возвышалась старуха, и оранжевые гранаты у нее на груди горели яростным бесовским пламенем.

Первое время Майя пыталась дать происшедшему хоть сколько-нибудь реалистичное объяснение, но у нее ничего не выходило. Стволовые клетки? Но откуда на это деньги у старухи? Да и не омолаживают они настолько, улучшают внешний вид, не более того. Внучка-наследница, ловко выдающая себя за умершую Глафиру Дмитриевну и собирающаяся через полгода вступить в наследство? Но молодая женщина знала такие подробности их

взаимоотношений со старухой, которые невозможно было во всей полноте пересказать кому-либо другому. К тому же язык, которым она говорила! Он отставал от современного лет на пятьдесят, если не больше. Да и манера держаться… Что же все-таки произошло? И Майе все чаще и чаще приходило в голову одно-единственное слово: «чудо».

Как ни кошмарна казалась ей поначалу подобная мысль, Майя в итоге воспользовалась старухиным приглашением и переехала к ней. На волне несусветного роста цен на недвижимость хозяйка той однокомнатной квартиры, которую она снимала, все выше и выше поднимала аренду, и наконец Майя не выдержала. Она, разумеется, понимала, чем вызвано приглашение Глафиры: та быстро смекнула, что новая молодая жизнь потребует расходов, а с пенсии не разгуляешься; вот тут-то ей и потребуется Майя с ее зарплатой. Но, трезво это сознавая, Майя все-таки полагала, что расходы на Глафиру будут меньше, чем расходы на квартиру, а потому к началу нового учебного года они с сыном переселились на Речной вокзал. Майе заранее делалось дурно от перспектив жизни с Глафирой под одной крышей, но выхода не было. К тому же у нее уже сложилась стойкая привычка терпеть старуху.

Однако против ожиданий Глафира Молодая оказалась не худшей из соседок. Во-первых, обретение молодости позволило ей самостоятельно делать покупки в полном соответствии со своим изощренным вкусом, вследствие чего поводы для обвинений существенно сократились. Во-вторых, Глафира была теперь слишком занята изменением собственной жизни, чтобы тратить много времени на издевки. Она требовала от Майи информации о модных прическах и фасонах, без конца таскала за компанию с собой по магазинам, но вскоре убедилась, что в этом смысле от ее компаньонки мало толка. Майя имела лишь самое общее представление о модных тенденциях, одевалась в неопознанном стиле и ни разу за всю жизнь не наращивала ногти. Стриглась она принципиально так, чтобы укладывать волосы одним торопливым взмахом расчески, а на вопрос о хорошей педикюрше отвечала беспомощным взглядом. Впрочем, и без подсказок экспертов бывшая старуха шла вперед семимильными шагами. К сентябрю она буквально сразила Майю своим ухоженным видом, а когда-то отложенных на похороны денег оказалось вполне достаточно, чтобы собрать небольшой, но тщательно продуманный гардероб. Ни одна вещь, ни один аксессуар в нем не были случайны, Глафире было что надеть и в театр, и для поездки на шашлыки. Все предметы одежды отлично гармонировали между собой и подчеркивали безупречную стать сибирячки, а недостатки скрывать и не требовалось.

На Никиту Глафира произвела прекрасное впечатление, а Майя после первой их встречи лишь скрипнула зубами: сын признался, что тетя Глаша такая красивая! К слову сказать, «тетя Глаша» мгновенно нашла с ребенком общий язык и быстро стала его доверенным лицом. Ей поверялось даже то, что скрывалось от матери, поскольку не замордованная бытом и работой Глафира выгодно отличалась от срывающейся порой на крик Майи. Прекрасная, полная достоинства, невозмутимая, она неизменно мудро и взвешенно объясняла ребенку, что к чему. Майя боялась, что бывшая старуха станет для сына ужасным примером в смысле курения, но неожиданно выяснилось, что преображенная Глафира не курит. Вообще! И, тщательно следя за своим здоровьем, отдает предпочтение низкокалорийной пище. Отныне салат, заправленный обычным, а не легким майонезом, был не меньшим поводом для конфликта, чем некогда недостаточно жирная колбаса. Вдруг обнаружилось, что Глафира превосходно готовит и малоежка Никита не может оторваться от ее борщей. А заодно и от ее рассказов о прошлом своей страны.

Нельзя сказать, чтобы вся эта череда перемен каждый раз повергала Майю в транс. Нет, женщина попросту не выходила из перманентного потрясения; так и жила, оглушенная и пришибленная чудом. И никак не могла взять в толк, почему Глафира Немилосердная так непредсказуемо обратилась в Глафиру Достойную Подражания. Она смутно ощущала, что разгадка этому есть, но пока что ей не удавалось нащупать нить истины.

Переезжая к Глафире, Майя попросила разрешения провести в ее квартиру выделенную линию Интернета – она любила перед сном посидеть в чатах и конференциях. Совершенно неожиданно этим новшеством воспользовалась и сама Глафира. От Никиты она услышала, что через Всемирную паутину можно найти работу, и решила перестать быть пенсионеркой. Не по возрасту уже как-то! Только вот в какой бы области себя применить? Практиковать в качестве медика Глафира, увы, уже не могла: слишком далека она была от современной медицины. К тому же любой главврач умер бы от изумления при виде ее диплома, выданного в 1941 году. Однако пренебрегать своими медицинскими познаниями было бы тоже обидно, и Глафира придумала оптимальный вариант: она займется массажем. Тут ей, знающей физиологию, все карты в руки! Ведь неправильное обращение с зоной холки, как она объясняла Майе, может вызвать у человека гипертонический криз. А грамотное разминание человеческого тела не только бодрит, но и лечит. Сейчас модно сгонять жир? Значит, будем сгонять жир!

На деньги Майи («Свои-то у меня откуда?») был приобретен массажный стол. Глафира выбирала его придирчиво: она позаботилась и о валике, и о прорези для лица – все для удобства потенциальных клиентов! Майя, присутствовавшая при этом, с болью наблюдала, как печется Глафира о благе каких-то незнакомых людей, в то время как сама она, столько сделавшая для старухи, не удостаивалась ничего, кроме нареканий. Майя ни разу не была на массаже, и, когда стол был привезен домой, втайне надеялась, что Глафира великодушно предложит ей размять усталую от поездки по магазинам спину. Но, кардинально изменившись внешне, внутри старуха осталась верна себе – Майя не услышала даже простой благодарности.

Никита, ориентировавшийся в Интернете гораздо лучше, чем в собственном школьном рюкзаке, разместил в Сети Глафирино объявление, и вскоре потянулись первые посетители. Глафира быстро обросла клиентурой: по словам восторженных женщин, покидавших квартиру, у массажистки были не только золотые руки, но и золотое сердце. К каждому-то она умела найти подход, выслушать проблему, дать совет… А от проблем и советов медицинских был лишь один маленький шажок до проблем и советов личных. Сама о том не подозревая, Глафира успешно совмещала массаж с психотерапией, и подсаженные на крючок внимания к себе люди уже не могли покинуть гостеприимный дом, где к ним отнеслись с таким участием. Послушно являлись сами, приводили своих знакомых, и по выходным Майя неизменно просыпалась от того, что самые ранние желающие вылечить душу и тело звонили в дверь.

Часом позже, наблюдая их просветленные после сеанса лица, Майя неизменно задавалась вопросом: почему изо всех людей, с которыми Глафира имела дело, лишь одна она подвергалась бесконечным унижениям? Именно ее, кормилицу и помощницу, мучили и попрекали. Именно она, безропотно выполнявшая любые поручения, была обречена на грубость и бестактность. Лишь у нее исходило сердце болью при виде бывшей старухи; все остальные пребывали в бесконечном восторге от Глафиры. ПОЧЕМУ?

– Знаешь что, Майя, – со всей серьезностью предупредила ее Глафира через месяц после начала своей практики, – ты к моим клиентам не выходи, я сама им буду дверь открывать. А то тебя с утра без косметики лучше людям не показывать.

И, делая вид, что шутит, молодая женщина засмеялась безжалостным старушечьим смехом.

VIII

– Я смотрю, для вас возраст – больная тема, – сделал вывод Карим, когда Майя после плача отпаивала себя водой.

– Понимаете, – горько призналась женщина, – дело в том, что одна моя приятельница недавно очень сильно помолодела. Вы даже не представляете насколько! Вот и вы тоже… И когда я думаю о себе…

– Но вы нормально выглядите.

– Бросьте! Не надо меня успокаивать!

При этих словах Карим от души рассмеялся:

– А что же с вами делать, как не успокаивать? Может, говорить вам, что вы старуха и ничего уже с этим не поделаешь?

– Скажите мне правду!

Карим пристально всмотрелся в ее лицо, словно по-новому оценивая свою спутницу.

– А правды тут быть не может, – заговорил он через некоторое время. – Нет ведь эталона, чтобы вас с ним сравнивать. На лице всегда будет столько же лет, сколько в душе.

– Очень свежая истина!

Карим пожал плечами:

– Зато верная!

– И сколько же мне лет в душе? – не успокаивалась Майя.

– В душе вы устали от жизни, – перестав ходить вокруг да около, констатировал Карим.

Майя отвела глаза. Краем глаза она поймала еще дымящиеся угли в костровище.

– Так, – проговорила она, едва смогла восстановить дыхание, – так, понятно. Ну что ж… Что теперь с этим поделаешь…

Она подняла глаза и по одному взгляду Карима поняла, насколько он возмущен таким подходом.

– Что с этим поделаешь? – переспросил он. – Да вам осталось только в гроб лечь и крышкой накрыться! А пожить не хочется? Порадоваться?

– «Порадоваться»! – горько передразнила Майя. – Да чему я должна радоваться? Тому, что у меня нет своего жилья? Или тому, что я должна пахать как лошадь, чтобы обеспечить ребенка?

– Нет, – с искренним недоумением ответил Карим, – всему остальному!

Майя махнула рукой. Опустив голову, она крепко обхватила колени, превращаясь в жесткий треугольник.

– А эта ваша подруга, – спросил Карим какое-то время спустя, – ну та, которая помолодела, она, может быть, влюбилась?

Майя болезненно рассмеялась:

– Влюбилась! Да она сроду никого не любила, мучила только!

– Тогда почему она вдруг?..

– А вы мне не поверите, если расскажу! Я была в Турции и привезла ей в подарок воду из источника, про который экскурсовод сказал, что это источник

молодости. Я думала, это шутка, а она выпила и помолодела.

– Сильно?

Майя молча кивнула. Она боялась раскрывать последнюю страшную правду – насколько сильно помолодела старуха.

– А почему же вы сами не выпили этой воды? – продолжал расспросы Карим. – Почему отдали подруге?

– Я же вам говорю, – воскликнула Майя, – я не воспринимала это всерьез!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kaydalova_evgeniya/zabud-menya-takoy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити